

Историософская традиция в истории отечественной мысли

Н. И. Безлепкин

Военная академия связи имени Маршала Советского союза С. М. Будённого,
Российская Федерация, 194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 3

Для цитирования: *Безлепкин Н. И.* Историософская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 151–164. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.202>

Особенностью истории отечественной мысли является присущая ей историософская традиция, прочно утвердившаяся со времен появления летописной истории. Возникновение историософских рефлексий на Руси в значительной степени было связано с распространением христианства. Традиционалистская система ценностей, возникшая на греко-византийской основе, посредством христианства способствовала приданию русскому обществу духовной цельности, ввела понятие истории. Целью и задачами статьи являются исследование становления и развития историософской традиции в истории отечественной общественной мысли, выделение ее основных черт — провиденциализма, эсхатологизма, телеологизма, мессианства и прогрессизма, анализ понятий «философия истории» и «историософия». Автор рассматривает историософию как такой вид философской рефлексии над историей, для которого характерно заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. В основе исследования историософской традиции лежит историко-сравнительный метод, предполагающий применение процедур установления исторического тождества и различия историософских учений, раскрытия оснований, позволяющих сближать и разграничивать подходы в понимании основополагающих проблем исторического развития российского общества. Актуальность поднятой в статье проблемы обусловлена тем, что в тот или иной исторический период происходит изменение парадигмальных установок исторического познания. При этом время от времени лидирующее положение в общественном сознании занимают именно историософские концепции. Потребность в историософии сильнее всего проявляется в тех обществах, где наиболее остро стоит вопрос о национальной и культурно-исторической идентичности личности или народа, о его месте в мировой цивилизации. Обращается внимание на те факторы, которые влияют на устойчивость интереса к историософским концепциям в современном российском обществе. В статье отмечается важность разграничения понятий «историософия» и «философия истории» с целью вычленения специфического видения и толкования проблем истории, имеющих не только сугубо теоретическое значение.

Ключевые слова: историософия, провиденциализм, эсхатологизм, телеологизм, мессианство, прогрессизм, философия истории, всеобщая история, позитивизм, неоевразийство.

Самосознание человечества на протяжении всего своего существования находит воплощение в текстах культуры, памятниках мифологической и религиозно-

философской литературы, историософских и философско-исторических концепциях и теориях. Практически все метафизические системы европейской философии включают в себя целостные историософские концепции. В полной мере это относится и к истории отечественной мысли, историософская традиция которой берет начало с постановки вопросов: «Откуда пошла земля Русская?», «Кто в Киеве начал первым княжить?».

Возникновение историософских рефлексий на Руси в значительной степени было связано с распространением христианства. Традиционалистская система ценностей, возникшая на основе греко-византийской традиции, посредством христианства способствовала приданию русскому обществу духовной цельности, ввела понятие истории, ограниченной во времени, начинающейся с сотворения человека Богом и кончающейся его окончательным спасением. Не случайно отечественные историософские концепции изначально обладали чертами, указывающими на их родство с христианством, — провиденциализмом, эсхатологизмом, телеологизмом, мессианством и прогрессизмом.

Идея провиденциализма — зависимости исторического процесса, судеб человечества от воли высшего начала — Бога — появляется с возникновением монотеистических религий, отвергающих природный критерий в познании социального мира. Явление богочеловека представляет собой фундаментальную основу осмысления истории. Возникает метафизика истории, ставящая своей целью познание смысла общественного бытия, его внутренних тенденций и закономерностей. Н. И. Кареев видел в понимании истории с провиденциалистской точки зрения не только оправдание божества, «в котором не нуждаются ни само божество, ни люди, верующие в благость Божию», но и навязывание ходу истории внутреннего единства, планомерности, разумности и целесообразности [1, с. 276].

В подобной богословско-провиденциалистской традиции написана «Повесть временных лет» — одно из древнейших дошедших до нас отечественных историософских произведений, где Нестор, монах и ученик ревностного сторонника православия Феодосия Печерского, старался следовать этой традиции в своем истолковании исторических событий, ставить историософские вопросы о самобытности славянского народа и его роли в истории.

Эсхатологизм отечественной историософии был связан с тем, что в ней отрицалась всякая ценность мирской истории народов. В истории смысл виделся за ее пределами, что предполагало ее конец. Значение того или иного исторического события оценивалось лишь по отношению к некоему большему событию или цели, достижение которой с необходимостью влечет за собой прекращение исторического процесса. Таким событием в христианской традиции является Судный день, который есть окончательный финал человеческой истории и который придает потенциальный смысл всем историческим событиям. Эсхатология оказалась актуальной для отечественной истории — апокалиптические идеи были связаны с нашествием на Русь татаро-монгол (тогда же создается сказание о граде Китеже), приближении 1492 г. от Рождества Христова — года, когда завершались семь тысяч лет от сотворения мира (5508 г. до н. э.), которые отождествлялись с семью днями творения.

Эсхатологичной по своей сути была и теория псковского монаха Филофея «Москва — Третий Рим», которая исходила из идеи смены трех мировых царств, чередующихся в порядке преемственности тех народов, которые Бог избирает

орудием своих предназначений. Падение Римской империи и Византии, по мнению Филофея, было расплатой за измену истинному христианству — православию, а с гибелью «Третьего Рима» — России — настанет конец мира, Страшный суд, поскольку «четвертому не быть» [2, с. 426, 440].

Характерной чертой отечественной историософии является также присутствие в ее концепциях идей мессианства, которые непосредственно связаны с проблемой времени, напряженным ожиданием великого явления в будущем — явления Мессии и мессианского царства, т.е. воплощения Смысла, Логоса в истории. Можно сказать, что мессианизм конструирует историческое, поскольку во времени осуществляется Божественная воля, направленная на реализацию высших провиденциалистских целей, известных людям лишь частично, окончательное познание которых без Божественного откровения немислимо. Историософия, полагал Н. А. Бердяев, — это всегда пророчество, выходящее за пределы научного познания. Необходимость и неизбежность пророчества в том, что история — это не только познание прошлого, но и познание будущего, она всегда пытается открыть смысл, который может быть явлен лишь в будущем. «Когда Гегель утверждает, что в прусском государстве будет явлена та свобода, которая есть смысл и цель мировой истории, когда Маркс утверждает, что пролетариат будет освободителем человечества и создаст совершенный социальный строй, или Ницше утверждает, что явление сверхчеловека в результате эволюции человечества будет явлением смысла земли, то все они утверждают мессианское и профетическое сознание, оповещают о наступлении тысячелетнего царства. Ничего подобного не может утверждать наука» [3, с. 260]. Исторический процесс в историософии оказывается вписанным в универсальный процесс становления мира и его «свершения». В этом проявляется заложенное в историософии телеологическое понимание исторического процесса, способствующее ее превращению в метафизику истории с характерными для нее «априорной логичностью» и поступательно-линейной схемой [4, с. 39].

В мессианском ожидании содержатся и истоки прогрессизма. С. Л. Франк, характеризуя наиболее распространенный ложный тип философии истории, под которым подразумевается именно историософия, пишет, что он «заключается в попытке понять последнюю цель исторического развития, то конечное состояние, к которому она должна привести и ради которого творится вся история; все прошедшее и настоящее, все многообразие исторического развития рассматривается здесь лишь как средство и путь к этой конечной цели, а не как нечто имеющее смысл в самом себе и на равных правах соучаствующее в целостной жизни человечества. Философия истории такого рода опирается на веру в “прогресс”. Человечество — согласно этому воззрению — непрерывно идет вперед, к какой-то конечной цели, к последнему идеально завершенному состоянию, и все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к цели» [5, с. 28]. Человечество непрерывно идет вперед, к какой-то конечной цели, к последнему идеально завершенному состоянию, и все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к этой цели.

Следует при этом отметить, что далеко не все историософски мыслящие представители русской интеллигенции разделяли веру в прогресс. Так, П. Я. Чаадаев был убежден, что не всякий исторический процесс может считаться прогрессом, а значит, претендовать на смысл и телеологичность. В своих «Философических

письмах», которые еще называют «Письмами о философии истории», он полагал, что и личности, и народу недостаточно только «жить», чтобы иметь право на внимание со стороны; кому интересен процесс такой растительной жизни, не имеющей внутреннего смысла, не освященной всеобъемлющей идеей? [6]. В качестве такой освящающей внутренней идеи Чаадаев видел христианство, являющееся проявлением руководства Богом человеческого рода на его историческом пути и указывающее цель и смысл как отдельной личности, так и народам. Отмечая несомненную заслугу Чаадаева в постановке перед русской интеллигенцией проблемы философии истории, в разработке вопроса о смысле исторического процесса вообще, о смысле и значении исторической жизни России, оказавшего существенное влияние на историософские концепции славянофилов и западников, Иванов-Разумник отмечает, что русский мыслитель искал их решение на религиозной почве: «Философия истории совпадала у Чаадаева с историей религии» [7, с. 360]. Иными словами, при известном отклонении от свойственных историософии черт, концепция русского мыслителя оставалась по существу историософской.

Историософские концепции в силу присущих им черт в разные исторические периоды создавали в общественном сознании самые разнообразные историософские картины мира — от сугубо религиозных истолкований исторического процесса до сциентистски ориентированных на какую-нибудь иную «веру» — в прогресс, глобализм, коммунизм и т. п. При этом центральными темами отечественной историософии, по мнению В. В. Зеньковского, всегда продолжали оставаться вопросы о человеке, его судьбе, о смысле и целях истории. «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т. п.» [8, с. 16]. На это обстоятельство обращал внимание и Н. А. Бердяев: «Оригинальная русская мысль рождается как мысль историософическая. Она пытается разгадать, что помыслил Творец о России. Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада, или совсем особый, Свой путь?» [9, с. 5]. Религиозность ограждала русскую историософию от влияния позитивизма, придавала ей целостность и полноту, которые были недостижимы для современных сциентистски ориентированных концепций исторического процесса. Русская историософия все чаще обращалась к духовно-нравственным принципам осмысления истории, размышляла о путях реализации сущностных сил человека в истории, духовно-нравственном смысле исторических явлений, и в этом отношении она парадигмально противостояла западному абстрактно-объективистскому подходу. Именно русская историософия породила «новое религиозное сознание» конца XIX — начала XX в., «аналогичное схоластике и неотомизму», что является лишним подтверждением того, что она не меньше других направлений русской философии «стояла под знаком европеизма и рационализма» [10, с. 38].

В историософских учениях П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и других помимо общих схем мировой истории присутствуют обширные философские концепции русской истории, что составляло одну из особенностей отечественной историософии. Размышления о «судьбе России», «русской идее», месте России среди других народов и цивилизаций сложились в обширную историософскую традицию, которая заняла доминирующее место в русской философии и составляет весьма значительную ее часть. Историософизм

русской философии, впитавшей православную традицию и ее интерпретации, характеризуется восприятием истории как раскрытия Божественного промысла во временной координате. По мнению Н. А. Бердяева, понять смысл мира — «значит понять провиденциальный план творения, оправдать Бога в существовании того зла, с которого началась история, найти место в мировоззрении для каждого страдающего и погибающего. История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему они истлели, почему страдали в жизни и чего заслужили для вечности, если весь хронологический ряд истории вытянется в одну линию и для всего найдется окончательное место» [11, с. 127].

Под влиянием возросшего интереса к истории отечественной культуры в XIX в. в русской историософии получает свое воплощение пространственная координата посредством преломления Божественного промысла через своеобразие народов и культур, в результате чего реанимируется проблема национальной идеи. В русской историософии национальная идея всегда присутствовала в качестве важнейшего элемента религиозной историографии. Начиная с первых ответов на вопрос «Откуда есть пошла Русская земля?», через летописи, послания, панегирики, жития, легенды, через теорию «Москва — третий Рим», через споры об исключительности православного царства и самого православия, наконец, через русскую государственность — хорошо различимы усилия отечественных мыслителей постичь не столько саму эмпирическую ткань истории, сколько преобразующую ее провиденциальную, Богом задуманную умопостигаемую идею, задачу, судьбу, миссию [12].

Для русской историософии начиная с середины XIX в. и на протяжении едва ли не всего XX в. тема «русской идеи» является пронизывающей и всеобъемлющей. О ней писали П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Иван и Константин Аксаковы, И. В. Киреевский, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, Ф. И. Тютчев, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, Л. П. Карсавин, евразийцы. Этот далеко не полный перечень авторов, обращавшихся и по сей день пишущих о «русской идее», характеризует, по замечанию Л. В. Карасева, общая одержимость идеей о другом мире. Русская идея, по его мнению, есть «идея об изменении, ибо достигнуть чего-то иного можно, либо изменив мир, либо самого себя» [13, с. 95]. Познать же суть национальной идеи нельзя, считал В. С. Соловьев, поскольку то, что народ думает о себе во времени, и то, что Бог думает о нем в вечности, — вещи разные [14, с. 220]. Отечественная историософия, представляющая собой совокупность мировоззренческих концепций о смысле и цели истории и пронизывающая все пласты русской культуры, в силу присущей ей эсхатологичности и провиденциализма не могла дать исчерпывающего ответа на вопрос о том, как достигнуть этого другого мира или его изменить. Телеологизм и абстрактный прогрессизм историософии были ориентированы исключительно на организацию и построение царства Божьего на земле.

Реализация пространственной координаты в историософских концепциях знаменовала их эволюцию в направлении осмысления целостности исторического процесса с позиций национальных архетипов. Изменение представлений об историческом субъекте, которым становятся народ, нация, государство, повышенный интерес к истории культуры, появление новых концепций языка — все это существенно влияло на историософские взгляды. Историософия все более выступала как такой вид философской рефлексии над историей, для которого характер-

но заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. Акценты в этих концепциях смещаются от общемировых, общечеловеческих тенденций (ими занимается философия истории) к национальным. Историософия «чрезвычайно углубила и освежила духовную жизнь, научила действительно понимать искусство и литературу и прежде всего содействовала своим пафосом образованию национальных государств и наполняла их своим содержанием» [15, с. 16]. Неслучайно потребность в историософии сильнее всего проявляется в тех обществах, где наиболее остро стоит вопрос о национальной и культурно-исторической идентичности личности или народа, о его месте в мировой цивилизации. «Проблема “смысла” истории, “судьбы” и “назначения” национальной истории, — по наблюдению В. П. Филатова, — может не слишком волновать людей, которые живут в обществах с устойчивой национальной исторической традицией. Они, как правило, довольствуются непосредственным историческим сознанием и не нуждаются в историософском оправдании своего места или цели своего существования в этом мире. Возможно, поэтому и у классиков английской или французской философии мы не обнаруживаем тяги к историософским построениям, особенно национально ориентированным. Если исторический процесс и обсуждается ими, то обычно в плане реальной политической философии или же в универсальной, “космополитической” перспективе» [16].

Обогащение историософии новым эмпирическим материалом из области истории и культуры, «пробуждение сознания об исторической особенности и высоте собственной эпохи» [15, с. 21] одновременно стало и началом появления философии истории. Возникновение в России в XVIII в. исторической науки и профессионализация истории явились исходным пунктом для становления отечественной философии истории. «Когда в XVIII в. философия, — подчеркивает Ю. В. Перов, — открыла для себя общественную историю в качестве существенного и достойного предмета философствования, светская философия истории видела себя прежде всего в форме теоретического знания об историческом процессе» [17, с. 62]. Возникновение философии истории стало ответом на потребность осмысления истории как целого. Развитие исторического познания и философско-исторической мысли показало: теоретическое осмысление истории в целом становилось тем более глубоким и содержательным, чем больше оно опиралось на развитие конкретно-исторических знаний о событиях и эпохах человеческой истории. Варианты этого осмысления отличались уровнем обобщения и охвата исторической реальности, степенью концептуализации и проникновения в сущность исторического процесса. Формулируя задачи философии истории, Л. В. Карсавин отмечает, что «философия истории определяется тремя своими основными задачами. Во-первых, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. Во-вторых, она рассматривает эти первоначала в единстве бытия и знания, т. е. указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к абсолютному Бытию. В-третьих, задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса» [18, с. 15].

Исходя из задач, стоящих перед философией истории, в XIX в. оформляются и представления о ее содержании: «1) под философией истории понимается все-

общая, или всемирная, история, обобщающая результаты, добытые исторической наукой и объединяющая их в стройную и цельную картину; 2) философия истории рассматривается как учение об общем смысле и общих законах исторического процесса; 3) под философией истории подразумевают науку об историческом познании, или логику исторического исследования» [19]. Столь широкий круг задач, определявших содержание философии истории, нашел отражение в многообразных курсах, читаемых профессорами в российских университетах. Философия истории в университетских курсах редко именовалась как курс по философии истории. В одних случаях философско-исторические проблемы излагались как теория истории, в других — как методология истории, чаще вопросы философии истории органично включались в курсы историографии и всеобщей истории, из которых и выводилась философско-историческая проблематика.

Одним из первых русских историков, в наиболее концентрированном виде изложивших свое видение философии истории, был профессор Московского университета Т. Н. Грановский, который в университетской актовой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852) подчеркивал, что «ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история» [20, с. 20], а в лекциях по истории Средневековья добавлял: «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться» [21, с. 42].

Философия истории Т. Н. Грановского, выступая мировоззренческой и методологической основой всеобщей истории, разительно отличалась от принятых среди современных ему отечественных и европейских историков концепций исторического процесса, которые преимущественно подчинялись исторической гносеологии, ориентированной на философские установки западноевропейского происхождения. Ученый отстаивает необходимость отказаться от самодостаточной, «все объясняющей» концепции истории, проявить большее внимание к материальным факторам в историческом процессе, использовать методы, подобные тем, которыми оперируют ученые-естественники. В его философии истории эпистемологические аспекты всеобщей истории рассматриваются на вполне определенном онтологическом основании, в качестве которых, по словам самого историка, выступает «живая действительность».

Понимание всеобщей истории, которая своим предметом имеет жизнь человечества во всем ее многообразии и многосторонности, позволяла ученому твердо стоять на конкретной исторической почве и не поступаться жизненностью конкретных фактов ради отвлеченных схем. В своих лекциях историк подчеркивает, что если всемирная история имеет дело с событиями в их связи между собой и носит эмпирический характер, то всеобщая история — это «биография человечества», а философия истории своим предметом имеет историческое измерение человеческого бытия, включающее историческое познание «бытия», настоящего и будущего.

В то время как западная историография была не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, философско-историческая мысль России решала проблемы национального исторического бытия в его связи с мировым историческим процессом, раскрывала его новые ракурсы и отношения.

Отличительной особенностью отечественной философии истории было то, что, помимо восприятия исторического процесса как целостного и органичного, ее представители осмысливали жизнь русского народа не только как единый, развивающийся своей внутренней жизненной силой организм, но и как жизнь, тесно связанную с жизнью других европейских народов. Разрешение вопроса о соотношении общего и особенного в истории не только обогащало методологический инструментарий исторического исследования новыми методами — сравнительно-историческим и методом аналогий, но и открывало новые возможности для сопоставления универсальной (всеобщей) и национальной истории, способствовало более глубокому постижению острых социально-политических проблем России.

Усилиями Т. Н. Грановского, его преемников и учеников — П. Н. Кудрявцева, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. И. Герье — философия истории все более внедрялась в систему университетского образования в России. Опора на позитивистскую программу, критически переосмысленную отечественными историками, открывала новые перспективы для развития философии истории, ее освобождения от историософских наслоений, способствовала институционализации новых исторических дисциплин. Преподавание истории и философии истории в российских университетах обрело большую предметность и мировоззренческую направленность. Безраздельному влиянию эпистемологического подхода в преподавании всеобщей истории, его приложению к философии истории передовые русские ученые противопоставили обращение к онтологии исторического процесса. В отличие от классической европейской парадигмы философии истории, которая замыкается в стремлении выработать общее историческое мирозерцание, понимаемое как философское выяснение принципов самой истории и принципов познания истории, в русской университетской философии истории в этот период доминирует онтологическая проблематика, а эпистемологическая является вторичной.

Онтологический подход к изучению истории, последовательно реализованный в университетской философии истории в XIX — начале XX в., способствовал дальнейшему развитию самобытного воззрения на историю, в котором традиции отечественной историософии были перенесены на почву исторической науки. Смещение акцента с исторической эпистемологии, когда история рассматривалась только как форма знания, к онтологии истории не было случайным, поскольку обращение к онтологическим основаниям исторического процесса позволяло преодолеть умозрительное восприятие истории и осмыслить исторический опыт Европы, ее уроки в качестве необходимого момента в понимании места и роли России в мировой цивилизации.

Судьба русского народа рассматривалась русскими мыслителями как часть великого организма, также единого и живущего общею жизнью своих частей — Европы, цивилизованного человечества. Под философией истории в отечественной мысли всегда подразумевался синтез, «которым мыслящий человек охватывает всю совокупность истории человечества, ее ход и цель», — писал В. Герье [22, с. 5–6]. Философия истории, отмечал он, дает возможность представить всю историю как единый и непрерывно развивающийся процесс. Но при этом каждой эпохе, согласно Герье, свойствен особенный взгляд на историю, и поэтому каждая эпоха приступала к ее изучению со своими специфическими задачами и вопросами [23, с. 2].

Обретение философией истории самостоятельного статуса как области научного исследования и ее институционализация как университетской дисциплины остро обозначили проблему соотношения философии истории и историософии. Н. И. Кареев (1850–1931) был первым из отечественных ученых, задавшихся целью найти решение этой проблемы. В своей докторской диссертации «Основные вопросы философии истории», впервые опубликованной в 1883 г. и выдержавшей не одно издание, он называет философией истории философское обозрение прошлых судеб человечества, а философскую теорию исторического знания и исторического процесса обозначает термином «историософия» [1, с. 2]. Основная идея историософии заключается, по Карееву, в том, чтобы «представить в одном целом прошлые судьбы человечества, указать на последовательность и взаимную связь главных перемен в его жизни, имея дело преимущественно с обобщениями, добытыми исторической наукой» [1, с. 12]. В свою очередь, задача историософии, по мнению ученого, — «представить, чем должна быть философия истории, какие субъективные элементы мы имеем право в нее внести, в чем заключается сущность исторического процесса, отвлеченно взятого, так сказать, его механизм» [1, с. 15]. Реализация этой задачи предполагает синтез теорий, и Кареев указывает на то, что историософия «должна заимствовать свои учения из философии (самые общие воззрения), из “историки”, т. е. теории исторического знания (методы), и из психологии и социологии (законы духовной и общественной жизни)» [1, с. 14].

Стремление Кареева выяснить соотношение понятий «философия истории» и «историософия» представляло собой некий компромисс между попыткой с позиций позитивизма обосновать статус философии истории в качестве университетской дисциплины, близкой ко всеобщей истории, с той лишь разницей, что ее задачей является «искание смысла исторического процесса в его целом», и сохранить приверженность историософским традициям, пустившим в общественном сознании глубокие корни. В результате, по точному определению И. Д. Осипова, «философия истории Кареева занимала место между кардинально отличающимися друг от друга религиозной историософией и историческим материализмом» [24, с. 142].

Прояснить соотношение понятий «философия истории» и «историософия» сложно и сегодня. Чаще всего бытует мнение, что понятия «историософия» и «философия истории» — это синонимы, отражающие взгляды на процессы осмысления истории. Отождествление данных понятий имеет место даже в работах специалистов по философии истории. Так, Ю. И. Семёнов в своем фундаментальном исследовании «Философия истории. Общая теория исторического процесса» отмечает, что «когда говорят о философии истории, то чаще всего практически имеют в виду... собственно историософию... взятую вместе с общей теоретической историологией» [25, с. 17]. Как полный синоним более громоздкого «философско-исторический» (или «относящийся к философии истории») рассматривает термин «историософский» Н. С. Розов, подчеркивая, что не подразумевает никаких специальных религиозных, эсхатологических и т. п. коннотаций [26, с. 7]. Аналогичен подход авторов учебного пособия под редакцией А. С. Панарина, где философия истории (историософия) представляется как раздел философии, призванный ответить на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства [3, с. 8].

Между тем представляется важным разграничивать понятия «историософия» и «философия истории» с целью вычленения специфического видения и толкования проблем истории с точки зрения этих концептов, имеющих не только сугубо теоретическое значение. Справедливо в этом отношении замечание Н. С. Розова о том, что «если учесть растущий уровень рефлексии правящих и интеллектуальных элит многих стран относительно направлений национального развития, а также ускоряющиеся перемены в мире, соответствующую необходимость гибкой корректировки политической стратегии и системы приоритетов в каждой стране, то можно ожидать, что недалеко времена, когда целенаправленная работа по историческому самоопределению станет необходимой и перманентной составной частью выработки политической стратегии развития в каждой уважающей себя державе. В этом смысле рассуждения о том, что философия истории должна систематически давать «продукт» в ответ на внешние социальные “запросы”, могут оказаться уже отнюдь не отвлеченными» [26, с. 13].

Эволюция взглядов на историю наглядно демонстрирует, как в тот или иной исторический период происходит изменение парадигмальных установок исторического познания. При этом время от времени лидирующее положение в общественном сознании занимают именно историософские концепции. Так, в 80–90-е гг. XX в. благодаря открывшимся возможностям знакомства с творчеством представителей русского религиозного ренессанса в России имело место массовое увлечение русской религиозной философией, актуализировавшей интерес к историософии. Интерес публики к историософской проблематике не в меньшей степени был связан со вступлением России в постсоветскую эпоху, остро поставившую «старые» вопросы об историческом предназначении страны, выборе пути цивилизационного развития. Появились самые разнообразные модели цивилизационного и культурно-исторического развития общества — от теории этногенеза Л. Н. Гумилева до замешанного на провиденциализме неоевразийства А. Г. Дугина и распространенной ныне концепции «Русского мира». Современные отечественные общественно-политические и философские журналы по сей день не испытывают недостатка в публикациях о «судьбе России», выполненных в историософском духе.

На устойчивость интереса к историософским концепциям в современном российском обществе влияет целый ряд факторов. К основным из них отечественные исследователи относят следующие. «Дисциплинарное оформление истории, как и иных социально-гуманитарных наук, происходило значительно позже аналогичных процессов в естествознании. Соответственно и научное сообщество в этих науках было более аморфным, в нем не было резкой грани между “профессионалами” и “эрудитами-любителями”... В отличие от большинства других наук историки пишут свои работы не только для своих коллег, но и для широкой читающей публики, в которой... неизбытен интерес к историософской тематике. К тому же история представляет собой науку т. н. “рефлексивного” типа: она надстраивается над значительным слоем донаучного исторического сознания, в том числе и над “народной историей” — складывающимися в повседневном сознании устойчивыми толкованиями ключевых событий национальной истории (в России к ним относятся, например, принятие христианства, монгольское иго, реформы Петра, отечественные войны и т. п.). В значительной степени это является той почвой, которая подпитывает историософские схемы.

Важным является также то обстоятельство, что в XX в. наметилась явная переоценка культурной и мировоззренческой значимости естественных и гуманитарных наук. ...Культурное и мировоззренческое значение социальных и гуманитарных наук резко возросло. То обстоятельство, что эти науки помогают прояснить смысл нашей жизни, что они дают связанное описание генезиса нашей теперешней ситуации, что они служат важным легитимирующим обоснованием многих программ социальных, политических, экономических трансформаций, определяет их лидирующую роль в сфере человеческого знания. Историософии, которые в цельной и конденсированной форме стремятся выполнить все эти функции, оказываются поэтому гораздо более устойчивыми и отвечающими социальным потребностям, чем натурфилософские построения, ориентированные на узкие группы приверженцев и знатоков» [16].

Поворот в сторону историософии обусловлен также общим снижением уровня образованности населения, активизацией религиозно-мифологического сознания в обществе. Сегодня в чудеса верят, пожалуй, не меньше, чем сто лет назад, с той лишь разницей, что современная мифология, рядящаяся в тогу идеологических одежд, в век информационных технологий имеет больше возможностей для своего распространения и влияния. Историософия, выстраиваемая не на принципах строгой научности, а на вере, не способствует росту национального самосознания народных масс. В новейшей истории она становится идеологическим инструментом, используемым национальными элитами в узкокорыстных социально-политических интересах. Показателен в этом отношении пример с марксистской концепцией материалистического понимания истории, слабость которой, по мнению известного отечественного историка И. М. Дьяконова, «заключалась прежде всего в том, что не было найдено убедительного движущего противоречия ни для первой, первобытной, формации, ни для последней, коммунистической. Поэтому коммунистическая формация рассматривалась как абсолютное гармоническое будущее — идея, восходящая к христианской апокалиптической эсхатологии и плохо вяжущаяся с материалистическим объяснением исторического процесса» [27, с. 7]. По существу, марксистская концепция носила историософский характер со всеми свойственными для этого исторического типа мышления чертами и основывалась на вере.

Чтобы научить людей критически воспринимать собственную историю, делать из ее уроков правильные выводы, привить способность к прогнозированию социальных процессов, недостаточно овладения историософскими концепциями и идеями. Историософия не может заменить научную философию истории, как любительское отношение к предмету не может подменить профессионального его знания. Системный характер, доказательность и обоснованность философско-исторических выводов не равнозначны историософским представлениям, основанным на традиционалистской системе ценностей. Эволюция от историософии к философии истории носит закономерный характер, несмотря на известные временные отклонения от этого движения. Общество нуждается в научно состоятельной философии истории для понимания ее проблем, уяснения единства и многообразия современной истории, закономерностей развития, осуществления осознанного выбора путей модернизации социально-экономической и политической систем.

Литература

1. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. 2-е изд., перераб. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1887. 346 с.
2. Послание старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М.: Художественная литература, 1984. С. 414–488.
3. Философия истории / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
4. *Малинов А. В.* Очерки по философии истории в России: в 2 т. СПб.: Интерсоцис, 2013. Т. 1. 448 с.
5. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
6. *Чаадаев П. Я.* Философические письма. URL: <http://e-libra.ru/read/312579-filosoficheskie-pisma.html> (дата обращения: 10.07.2017).
7. *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли: в 3 т. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. Т. 1. 416 с.
8. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
9. *Бердяев Н. А.* О русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. Ч. 2. 287 с.
10. *Замалева А. Ф.* Идеи и направления отечественного любуомудрия. Лекции. Статьи. Критика. СПб.: Летний сад, 2003. 212 с.
11. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
12. *Кириллов И.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М.: Т-во Типо-литогр. И. М. Машистова, 1914. 100 с.
13. *Карасев Л. В.* Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 92–104.
14. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 822 с.
15. *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 719 с.
16. *Филатов В. П.* История, историософия и методология истории. URL: http://spf.ff-rggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/ (дата обращения: 18.07.2017).
17. *Перов Ю. В.* Историчность и историческая реальность. СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2000. 144 с.
18. *Карсавин Л. В.* Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 351 с.
19. *Русакова О. М.* Предмет философии и методологии истории. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (дата обращения: 22.07.2017).
20. *Грановский Т.* О современном состоянии и значении всеобщей истории. М.: Университетская типография, 1852. 23 с.
21. Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 241 с.
22. *Герье В. И.* Очерк развития исторической мысли. М.: Университетская типография, 1865. 114 с.
23. *Герье В. И.* Философия истории от Августина до Гегеля. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915. 268 с.
24. *Осинов И. Д.* Философия русского либерализма (XIX — начало XX века). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 192 с.
25. *Семёнов Ю. И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект; Трикта. 2013. 615 с.
26. *Розов Н. С.* Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. Кн. 1: Прологомены. 656 с.
27. *Дьяконов И. М.* Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2007. 384 с.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2017 г.;
рекомендована в печать 8 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Безлепкин Николай Иванович — проф., nick-bezlepkin@yandex.ru

Historiosophical tradition in the history of a domestic thought

N. I. Bezlepkin

Military academy of communication of a name of the marshal of the Soviet Union S. M. Budenny
3, Tikhoretsky pr., St. Petersburg, 194064, Russian Federation

For citation: Bezlepkin N. I. Historiosophical tradition in the history of a domestic thought. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 151–164. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.202>

A feature of the history of a national idea is the historiosophical tradition inherent in it which is strongly approved since the emergence of annalistic history. The beginning of historiosophical reflections in Russia was largely associated with the distribution of Christianity. The traditionalist system of values which arose on the Greek-Byzantine basis by means of Christianity promoted giving of spiritual integrity to the Russian society, entered a concept of history. The purpose and tasks of the article are the research of formation and development of the historiosophical tradition in the history of Russian social thought, allocation of its main features — a providentialism, an eschatologism, a teleologism, messianism and progressism, the analysis of the concepts “history philosophy” and “historiosophy”. The author considers a historiosophy as such type of a philosophical reflection over the history of which the attention point on problems of originality of national and historical fate of the country, the people is characteristic. The historical and comparative method assuming application of procedures of the establishment of historical identity and distinction of historiosophical doctrines, disclosures of the bases allowing to pull together and differentiate approaches in the understanding of fundamental problems of historical development of the Russian society is the cornerstone of research of historiosophical tradition. The relevance of the problem raised in the article is caused by the fact that during this or that historical period there is a change in the paradigmatic attitudes of historical knowledge. At the same time from time to time the leading position in public consciousness is held by historiosophical concepts. The need for historiosophy is most strongly shown in those societies where the question of national and cultural and historical identity of the individual or people, of his place in a world civilization most, is particularly acute. The attention to those factors that influence the stability of interest in historiosophical concepts in modern Russian society is paid. In article importance of differentiation of concepts of “historiosophy” and “history philosophy” for the purpose of exarticulation of specific vision and interpretation of the problems of history that are not only of purely academic significance is noted.

Keywords: historiosophy, providentialism, eschatologism, teleologism, messianism, progressism history philosophy, general history, positivism, neo-urasianism.

References

1. Kareev N. I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii [Main questions of philosophy of history]*. 2nd ed. St. Petersburg, L. F. Panteleev Publ., 1887. 346 p. (In Russian)
2. Poslanie startsa Filofeia [Message of the aged man Filofey]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV — pervaiia polovina XVI v. [Monuments of literature of Ancient Russia. The end of XV — the first half of the 16th century]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984, pp. 414–488. (In Russian)
3. *Filosofia istorii [Philosophy of history]*, ed by A. S. Panarina. Moscow, Gardariki Publ., 1999. 432 s. (In Russian)
4. Malinov A. V. *Ocherki po filosofii istorii v Rossii [Sketches on history philosophy in Russia]*, in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2013. 448 p. (In Russian)
5. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual bases of society]*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 511 p. (In Russian)
6. Chaadaev P. Ia. *Filosoficheskie pis'ma [Philosophic letters]*. Available at: <http://e-libra.ru/read/312579-filosoficheskie-pisma.html> (accessed: 10.07.2017). (In Russian)

7. Ivanov-Razumnik R. V. *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli* [History of the Russian social thought], in 3 vols. Vol. 1. Moscow, Respublika Publ.; TERRA Publ., 1997. 416 p. (In Russian)
8. Zen'kovskii V. V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of the Russian philosophy]. Vol. 1, pt. 1. Leningrad, EGO Publ., 1991. 221 p. (In Russian)
9. Berdiaev N. A. *O russkoi filosofii* [About the Russian philosophy]. Pt. 1. Sverdlovsk, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1991. 287 p.
10. Zamaleev A. F. *Idei i napravleniia otechestvennogo liubomudriia. Lektsii. Stat'i. Kritika* [Ideas and directions domestic liubomudriya. Lectures. Articles. Criticism]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2003. 212 p. (In Russian)
11. Berdiaev N. A. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva* [Freedom philosophy. Sense of creativity]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p. (In Russian)
12. Kirillov I. *Tretii Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiia idei russkogo messianizma* [The third Rome. Sketch of historical development of the idea of the Russian Messianism]. Moscow, T-vo Tipolitogr. I. M. Mashistova, 1914. 100 p. (In Russian)
13. Karasev L. V. *Russkaia ideia (simvolika i smysl)* [Russian idea (symbolics and sense)]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 8, pp. 92–104. (In Russian)
14. Solov'ev V. S. *Sochineniia* [Works], in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1989. 822 p. (In Russian)
15. Troeltsch E. *Istorizm i ego problem* [Historical method and his problems]. Moscow, Iurist Publ., 1994. 719 p. (In Russian)
16. Filatov V. P. *Istoriia, istoriosofia i metodologii istorii* [History, historiography and methodology of history]. Available at: http://spf.ff-rggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/ (accessed: 18.07.2017). (In Russian)
17. Perov Iu. V. *Istorichnost' i istoricheskaia real'nost'* [Historicity and historical reality]. St. Petersburg, S.-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2000. 144 p. (In Russian)
18. Karsavin L. V. *Filosofia istorii* [Philosophy of history]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993. 351 p. (In Russian)
19. Rusakova O. M. *Predmet filosofii i metodologii istorii* [The subject of philosophy and methodology of history]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (accessed: 22.07.2017). (In Russian)
20. Granovskii T. *O sovremennom sostoianii i znachenii vseobshchei istorii* [On the current state and significance of world history]. Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1852. 23 p. (In Russian)
21. *Lektsii T. N. Granovskogo po istorii srednevekov'ia* [Lectures of T. N. Granovsky on the history of the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 241 p. (In Russian)
22. Ger'e V. I. *Ocherk razvitiia istoricheskoi mysli* [Essay on the development of historical thought]. Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1865. 114 p. (In Russian)
23. Ger'e V. I. *Filosofia istorii ot Avgustina do Gegelia* [Philosophy of history from Augustine to Hegel]. Moscow, T-vo «Pechatnia S. P. Iakovleva», 1915. 268 p. (In Russian)
24. Osipov I. D. *Filosofia russkogo liberalizma (XIX — nachala XX veka)* [Philosophy of Russian liberalism (XIX — early XX century)]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1996. 192 p. (In Russian)
25. Semenov Iu. I. *Filosofia istorii. Obshchaia teoriia istoricheskogo protsessa* [Philosophy of history. General theory of the historical process]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Triksa Publ., 2013. 615 p. (In Russian)
26. Rozov N. S. *Filosofia i teoriia istorii* [Philosophy and theory of history]. Book 1: Prolegomena. Moscow, Logos, 2002. 656 p. (In Russian)
27. D'iakonov I. M. *Puti istorii: Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Ways of history: From the oldest man to our days]. 2nd ed., corrected. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 384 p. (In Russian)

Author's information:

Nikolay I. Bezlepkina — Professor, nick-bezlepkina@yandex.ru